

Карцева Лидия Валерьевна
Учреждение высшего образования
Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань, Российская Федерация
lizolda@mail.ru

Семья в современном обществе: понятие, модель, подходы к исследованию

Аннотация. Объектом исследования является семья как научная категория, которая обозначает явление, находящееся в стадии глубинной трансформации. Предметом исследования выступают теоретико-методологические подходы к изучению институциональных характеристик семьи, позволяющие сформировать её теоретическую и эмпирическую модель, отвечающую потребностям современного российского общества.

Ключевые слова: семья; модель семьи; структура и функции семьи; семьецентризм; просемейное поведение; семьеведение

Kartseva Lidiya Valer'evna
Higher Education Institution
“The University of Management “TISBI”,
Kazan, Russian Federation
lizolda@mail.ru

Family in modern society: concept, model, and research approaches

Abstract. The object of this study is the family as a scientific category that refers to the phenomenon in the stage of deep transformation. We focus on some theoretical and methodological approaches to the study of the institutional characteristics of the family. They enable us to develop its theoretical and empirical model corresponding to the needs of modern Russian society.

Keywords: family; family model (pattern); family structure and functions; family-centrism; family-oriented behavior; family studies

Семья как научная категория через призму классической социологии

В условиях быстро меняющейся социокультурной реальности и продолжающейся коренной трансформации современного общества как системы, семьи как его структурного элемента, существующие научные определения самой дефиниции «семья» являются неточными, устаревшими. Категориальный аппарат, который привычен и используется учёными-социологами автоматически, без привязки к конкретной ситуации эпохи, изучаемой территории, особенностям того или иного общества, уже не отражает существующих реалий.

Так, социологическая энциклопедия содержит следующие характеристики категории «семья»: «Семья – основанное на браке или кровном родстве объединение

людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью, один из важнейших компонентов социальной структуры» [Социологическая энциклопедия, 2003: 394]. Здесь основание семьи – брак (предполагается его официальный характер), наличие прямой кровной линии родства, совместное проживание всех членов семейной группы, их способность оказывать разного рода поддержку друг другу.

Между тем в современной России сожителство стало социальной нормой и выступает либо предтечей гражданского брака, либо его заменой. Усыновление воспринимается как явление желательное, а суррогатное материнство как допустимое. Сексуальные внебрачные и добрачные отношения уже не трактуются как тайные, предосудительные. Понятия «любовник», «любовница» известны и детям и используются в разговорном языке наравне с традиционными понятиями «муж», «жена», «супруги». Важным представляется тот момент, что наличие многих культур в обществе – «восточных» или «западных» – сути дела не меняет: разрушение традиционных основ брака и семьи фиксируется повсеместно, что отражает реалии глобального мира. Культурный код народов, населяющих планету Земля, конкретен, поддаётся изучению, однако сходство в стиле, тактиках поведения людей в брачно-семейных отношениях обнаруживается всё заметнее.

И всё-таки наличие традиционного фундамента супружеско-семейных связей найти можно, и здесь *деятельностный подход* как фундаментальная парадигма классической социологии и в XXI веке сохраняет свою актуальность [Бухаров, 2002].

Начнём с того, что, применительно к семье основной вид деятельности, согласно данному подходу, – *репродуктивный*. Установка на рождение детей может быть определена как просемейная, ориентация на воздержание от них или появление единственного ребёнка – как асемейная. Pro et contra – за и против – таков континуум в определении основного вида общесемейной деятельности всего народонаселения мира.

Согласно статистике рождаемости, население Земли в 2020 году составит 7 858 772 994 человека, а естественный прирост ожидается в 95 230 270 человек. Стало быть, репродукция происходит, и очень активно. Лидируют здесь Китай и Индия с населением соответственно в 1 409 522 065 и 1 389 690 065 человек, что в совокупности составляет 36 % всего населения планеты [Население Земли, 2020].

Иное в России, которая представляет собой государство, где имеет место быть явление обратное – естественная убыль населения. В прошедшем, 2019-м году она составила с начала года по октябрь 259,6 тысяч человек [Естественная убыль россиян станет рекордной за 11 лет, 2020]. Справиться с негативной динамикой не удаётся ни социально-политическими, ни социально-экономическими мерами, предпринимаемыми правительством страны.

Процесс этот закономерен. Репродуктивная функция семьи свойственна общественному производству в условиях расцвета промышленности в индустриальном обществе с его ростом потребности в рабочих руках. Реалии XXI века таковы, что

промышленность развивается на основе информационно-коммуникативных технологий и управляется компьютерной техникой, без активного участия человека. Соответственно работник для подобных систем «производится» отнюдь не в той семейной ситуации, что существовала на протяжении как минимум 25 веков.

Дети как ценность, сохраняя свою сакральность и ментальную ценность, в изменившихся условиях уступают *ценности развития личности и саморазвития*. В таком обществе ведущим видом деятельности семьи становится не столько рождение детей, сколько их обучение, образование. Последнее же требует уменьшения числа родившихся в отдельной семье, концентрации её ресурсов на создании условий для наилучшего прохождения этапов получения знаний каждым имеющимся ребёнком. Ответственность между старшим и младшим поколениями сохраняется, однако она приобретает несколько иной характер и отвечает потребности не столько в долгой, здоровой, с трудовой отдачей жизни каждого ребёнка, сколько в его творческом развитии, достижении материального благополучия. Общий быт семьи, передача молодому поколению навыков домашнего труда, труда по самообслуживанию при этом утрачивают свою актуальность. Нормой для обеспеченных российских семей становится обучение подростков, юношества в развитых странах мира – в США, Канаде, Японии, в Западной Европе, когда естественным становится их автономное проживание от родителей. В такой ситуации трудно говорить о взаимной моральной ответственности членов семьи.

В этой связи важна деталь: в теории деятельности акцент ставится на взаимосвязях людей, их опосредованности данной деятельностью. В отсутствии внутрисемейной деятельности, способной объединить людей, вызвать в них потребность трудиться друг для друга и ради друг друга, межличностные связи слабеют. Супруги, ведущие бизнес, имеющие творческие или государственные виды деятельности, на значительном удалении друг от друга находят себе суррогатных заместителей, дабы впоследствии с лёгкостью отказаться от законного партнёра. Такова практика семейной жизни публичных людей – спортсменов, телеведущих, артистов, деятелей культуры, известных политиков и т.д. Так теряется из вида основное предназначение семьи – быть центром притяжения всех членов семейной группы, пронизывать личности единым строем жизнедеятельности, семейным укладом.

Известно, что чем шире спектр функций семьи как малой группы, тем теснее её взаимные связи и отношения. Идеалом в таком ключе выступает семья в крестьянской артели, где мужчины заняты сельскохозяйственным трудом, а женщины – домашним, бытовым. В наши дни такого разделения труда не найти даже в самых малых деревнях и сёлах – электрификация, модернизация и информатизация всех видов трудовой деятельности изменили соотношение сил в производстве любого вида продукции, а с ним и картину гендерных отношений в трудовом коллективе, даже если это фермерское хозяйство. В городских же условиях создать семейную группу, в которой

деятельность «друг для друга» объединит всех её членов, не представляется возможным.

Через призму концепции деятельностного подхода можно рассматривать труд в семье как призвание, исходящее из морально-этических и религиозных оснований. Испокон века гендерная теория и практика наделяли мужчин и женщин различными наборами ролей как в обществе, так и в семье. Предназначение женщины быть матерью, а мужчины – кормильцем семьи в XXI веке сильно поколеблено. В условиях глобальной индивидуализации каждый взрослый человек решает сам, кем ему быть и какой деятельностью заниматься, вплоть до ухода от любых профессионально-трудовых занятий. Следовательно, апелляция к деятельностному подходу позволяет сделать вывод о кардинальной смене социальной базы семьи в соответствии с глобальными тенденциями в информационном обществе.

Интересно с рассматриваемой точки зрения обратиться к *теории социального действия* М. Вебера и Т. Парсонса. Семья является целостной системой последовательных действий, осуществляемых индивидом, каждое звено которых опирается на предыдущее и предвосхищает последующее. По классификации М. Вебера, просемейные действия индивида носят эмоционально-рациональный характер: они основаны преимущественно на чувстве любви, но несут в себе весомую долю рациональности. Разделяя все социальные действия на целерациональные, ценностно-рациональные, традиционные и аффективные, немецкий социолог в качестве наиболее результативных выделял первые два типа.

Традиционные действия не несут элемента изменения, а потому чреватые излишней консервативностью, что опять-таки поясняет отход современного человека от привычной модели семейных отношений и связей.

Аффективные действия подвержены эмоциональным колебаниям. В брачных отношениях, да и в семейных в немалой степени, эмоции – основная база современных взаимосвязей. Чувства определяют всё: интерес друг к другу, стремление быть рядом, радость узнавания или недовольство поступками, проявления ревности или страсти, нежности или агрессии. В традиционной семье ссылаться на чувства не представлялось возможным. В современной семье и мужчина, и женщина руководствуется чаще всего чувствами, оставляя зачастую рациональные соображения на потом.

Опираясь на теорию социального действия можно выделить варианты принятия решения о вступлении в брак, создании семьи с ребёнком от двух взрослых людей. Их классификация будет базироваться на той или иной степени эмоциональности/рациональности и традиционности/инновационности. Для информационного общества давление стимулов эмоционального над рациональным, инновационного над традиционным неизбежно, что приводит к комбинациям брачных союзов, далёких от социальных норм XX и предшествующих веков.

Так, в наши дни пары любящих порой превращаются в сексуальные группы. Любящие люди именуют себя уже не женихами и невестами, а партнёрами – как в

бизнесе. Пары могут состоять из людей одного пола. Причины такого интереса могут носить отнюдь не биологический, генетический, а сугубо социальный характер. Мода, новизна, необычность привлекают молодых людей в обществе всемогущего стандарта, всемерной унификации. Тем самым традиционный ореол семьи разрушается, а с ним и само понятие «семья», а также и категория «рода» как предтечи и ореала семьи.

В теории *социального действия* Т. Парсонса характеристиками выступают зависимость действия от общепринятых ценностей и норм, наличие субъекта действия, его объекта, будь то индивид или общность, средств и орудий действия, его методов и результатов. С этих позиций можно анализировать семью на момент создания её через заключение брака и рождение ребёнка (социальное действие), которое имеет самодовлеющую ценность лишь в традиционном обществе. В обществе постсовременном, прошедшем многие стадии трансформации (исключая самые отсталые государства Азии, Ближнего Востока, Африки), среди общепринятых оказываются скорее ценности индивидуализма, свободы, независимости, толерантности к инакомыслию, включая отношение к однополым бракам, свободные отношения полов, процедуры смены пола ради моды или престижа, усыновления в однополых браках и т.д. Ценности гетеросексуальности, устойчивой моногамной семьи, супружеской любви и верности, многодетности, многопоколенности трактуются как нечто давно отошедшее в Историю, а потому вызывают иронию у многих молодых людей.

Происходит *смена субъекта* просемейного действия. Им может выступать лицо, не имеющее пары в теле гомо сапиенс, – единственный человек, заключающий брак с животным, куклой. Могут быть партнёрами лица одного пола, что меняет само содержание семейной жизни и делает её скорее асемейной, чем просемейной.

Объектом просемейного действия выступают уже сложившиеся семейные ценности и отношения, среди которых преданность и верность, любовь и поддержка, взаимопонимание и взаимоприятие. Отличие же состоит в том, что, как и с вопросом субъекта, содержание внутрисемейных отношений, а также функциональные обязанности вступивших в них людей претерпевают изменения, фиксируясь в основном на вопросах сексуальности и изолируясь от всех иных социокультурных обязательств участников брачной группы.

Отсюда и *набор средств и орудий* социального брачно-семейного действия, его *методов*. В мутирующем социальном мире последние носят преимущественно инновационный характер, отрицающий многовековые традиции. При этом брачно-семейные отношения нового тысячелетия в странах, соседствующих с Россией, сохраняют государственно-религиозные основания. В частности, будучи признанными едва ли не во всех странах западного и восточного мира, однополые браки/семьи с усыновлёнными детьми базируются на принятых законодательных актах, признаются, освящаются церковью, которая снимает целый ряд морально-этических обязательств

«супругов» и «родителей» перед новыми поколениями. Подобные «партнёры» не несут за себя и детей никакой ответственности, нередко подвергая последних физическому и сексуальному насилию и не заботясь об их обучении, сохранении физического и психического здоровья.

Результаты данного социального действия в «осовремененных» странах резко отличаются от аналогичных результатов в российской обществе, законодательно и морально-этически защищённом от негативного влияния либеральных идей. Только Россия всячески стимулирует деторождение, хотя и с большим опозданием взявшись за решение грандиозной задачи возвращения популяции к нужным величинам. В России запрещена пропаганда однополый любви среди подростков, тогда как в США и Западной Европе с дошкольного возраста ведётся сексуальное просвещение и воспитание и доказывается право выбора ребёнка на тот или иной пол, готовность государства, общества произвести коррекцию пола, если несовершеннолетнее дитя усмотрит себя в другом теле.

Таким образом, вышеназванное определение семьи никоим образом не отражает существующие социальные реалии уже и в российском обществе. Существует острая необходимость в коррекции данной дефиниции с опорой на изменившееся мировоззрение людей, привыкших жить в информационную эпоху.

Категория «семья» в современном обществе

Прежде чем сформулировать понятие семьи в 2020-м году, отметим: политики пытаются это сделать тоже. В Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 г., в статье 38 говорится по поводу семьи минимальное: «1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. 2. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. 3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» [Конституция РФ, 2020]. Самого определения семьи в главном документе страны нет.

Социологическая наука обращалась к теме семье всю историю своего существования. Различные российские и советские словари транслируют фактически одни и те же определения, основу которых заложил советский социолог А. Г. Харчев, опубликовавший итоги своей диссертационной работы в книге «Брак и семья в СССР» ещё в 1969 году. Главные постулаты таковы.

Краткий словарь по социологии (1988 г.), а следом и Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках, редактор академик РАН Г. В. Осипов, сообщают фактически одно и то же: «Семья – 1. Соц. институт, характеризующийся определёнными соц. нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулирующими отношения между супругами родителями и детьми. Основные функции семьи: воспроизводство населения и социализация. 2. Малая группа, основанная на

браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной ответственностью и взаимопомощью» [Краткий словарь по социологии, 1988: 301- 302; Социологический энциклопедический словарь, 2000: 314–315].

Первая позиция здесь восходит к дефинициям русского историка, антрополога и социолога П.А. Сорокина, которого относят к числу «легальных марксистов» и который в начале XX века сущность современной ему семьи усмотрел в союзе мужа и жены, родителей и детей, родственников и свойственников. П. А. Сорокин видел в семье главную модель общества, элементарную общественную группу, ниже которой деление происходить не может. Атомарный характер семьи – сам призыв к её сохранению, поскольку без атома не может существовать молекула как основа почти любого вещества.

Сорокин видел в семье коллективное единство, которое характеризовал как однородное или неоднородное, выделял потребности половые (супружеские), родительские и родственные. Социолог видел интеграцию таких внутрисемейных посылов как социальные и психологические. Мера объединения субъективного и объективного в семье и личности становится по сути, с его точки зрения, мерилom самого существования семьи, присутствия в ней конкретного индивида [Сорокин, 1920]. Основанием союза супругов является, по его мнению, брак, признанный государством, заключаемый в определённой юридической форме и влекущий за собой определённые юридические последствия – личные и имущественные [Бондаренко, 1999]. В более поздних работах П. Сорокина сквозит мысль о том, что демократические ценности американского общества уничтожают традиционный тип семьи, снижается её роль, падает престиж.

Вторая позиция в понятии «семья» названного социологического словаря – определение, данное А. Г. Харчевым в середине XX века. Учёный-социолог исследовал проблему соотношения природного и социального в семье, видел семью как замкнутую систему межличностных и межгрупповых отношений и элемент системы более широкого порядка – общества. Её стабильность и устойчивость обеспечиваются, по его мнению, внешними факторами, к коим следует отнести социальные нормы, и внутренними «силами сцепления» [Харчев, 2003: 68]. Данное им определение семьи таково: семья – исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью. Социальная необходимость семьи обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [Харчев, 2003: 71].

Последователь А. Г. Харчева, крупный советский и российский демограф и социолог семьи А. И. Антонов в совместном труде с коллегой-демографом В. М. Медковым определяет семью в полном соответствии с трактовкой А. Г. Харчева [Антонов, Медков, 1996: 65, 66]. Дополнено авторами следующее: семья осуществляет

преимущество семейных поколений, социализацию детей и поддержание существования всех своих членов.

Десятилетия спустя российские социологи сохраняют приверженность сложившейся дефиниции, ссылаются на А. Г. Харчева, изложенную им трактовку семьи [Сикевич, Безрукова, Поссель, Самойлова, 2018: 54]. Откуда такая жизнестойкость категории, выдвинутой полвека назад? На наш взгляд, всё дело в инерции, в нацеленности исследователей-социологов на конкретные и близкие им темы и проблемы, в отсутствии внутренней мотивации на пересмотр существующих дефиниций семьи.

Попутно заметим: сопредельная область знаний о семье – российская психология – институт семьи не изучает в принципе, имея иной предмет анализа. В её арсенале совсем другое – такие специфические сферы знания как социализация, семейная терапия, секс-терапия, сексуальные перверсии, половая идентичность, половые извращения, секс групповой, секс-терапия и т.д. [Психологический словарь, 1996]. Надо сказать, что психологи не апеллируют к такому типу социализации как семейная, тогда как именно в социопсихологической науке такие аспекты изучения были бы весьма полезны.

Наряду с явным отставанием в развитии социологической интерпретации семьи как социального феномена в российской науке западная социология расставляет свои акценты. В социологическом словаре британских составителей Н. Аберкромби, С. Хилла и Б. С. Тёрнера (в переводе с английского под ред. канд. соц. наук С. А. Ерофеева. – М.: Экономика, 1999) с рецензированием директора Института социологии РАН проф. В. А. Ядова определение семьи как таковое отсутствует вообще, что характерно для социологии Великобритании. Есть параграф «Социология семьи» с указанием исследований структуры семьи, критики семейной жизни по вопросу дискриминации женщины. На Западе фигура женщины активно исследуется в плане её эксплуатации мужьями, детьми и родителями. Фактически же речь идёт о негативной роли существующей модели семьи в функционировании общества, её репрессивном характере. Понятие «семья» размывается в словаре на множество составляющих: брак, группы по происхождению, демография, домашний труд, материнская депривация, матриархат, нуклеарная семья, развод, расширенная семья, патриархат, половые деления, симметричная семья, супружеская роль [Социологический словарь, 1999: 313].

Иные акценты ставит в понятии «семья» британская пара Дэвид Джери и Джулия Джери. В представлениях авторов семья есть «группа людей, связанных родством или подобными тесными узами, в которой взрослые берут на себя ответственность за заботу и воспитание своих настоящих или приёмных детей» [Джери, Джери, 2001: 194]. Как видно из определения, кровная связь или социальная – та канва, вокруг которой строятся межпоколенные отношения. Супружество в понятии «семья» отсутствует.

В дальнейшей трактовке категории «семья» у данных исследователей наличествуют пояснения по формам семьи – нуклеарной или расширенной. Поясняются причины возникновения нуклеарной семьи (индустриализация, социальная мобильность), упоминаются социокультурные нормы, порождающие семейные структуры, а также семейный цикл. Подчёркиваются такие характеристики британской семьи как преобладание значения личных качеств членов семьи над экономическими соображениями, сожительство над официальными формами брака, семей с одним родителем над полными семьями. Нуклеарная или расширенная семьи являются семьёй происхождения или ориентации, влияющей на всю жизнь человека [Джери, Джери, 2001: 196].

Американский социолог Дж. Масионис, чей учебник социологии пережил множество переизданий, любим российскими университетами, считает семью наипервейшим агентом социализации, что соответствует установкам российских учёных-социологов. Не трактуя семью как объект изучения Масионис выделяет в ней первичные признаки. Среди них – влияние семьи на формирование личности творческой, активной, умеющей испытывать самые положительные чувства и переживания (в том числе счастье); встроенность семьи в систему социальной стратификации, включая связь уровня образования родителей, рода их занятости, занимаемой ими ступени социальной лестницы и характера, приёмов и методов воспитания, установок на формирование личности ребёнка; тесная зависимость между социальным статусом родителей и их представлениями о том, каким должен быть их ребёнок. Всё это в российской социологии исследуется непрямо и не акцентируется в дефинициях семьи, но очень солидарно с теми утверждениями, которые содержатся в концепции русско-американского социолога П. А. Сорокина [Масионис, 2004: 182- 183].

Некий итог исследованиям западных социологов семьи подводит М.С. Мацковский, обозначая теоретико-методологические подходы к изучению данного феномена. Среди них – интеракционистский как анализ взаимоотношений членов семьи; структурно-функционалистский с акцентом на семье как социальной системе; ситуационный как направление анализа ценностей и норм брачно-семейных отношений, институциональный, предполагающий изучение индивида и культурных ценностей, им разделяемых; эволюционный как итожащий все существующие подходы к исследованию семьи [Современная западная социология, 1990: 307–308].

Из сказанного вытекает следующее. Категория «семья» осмысливается учёными-социологами на протяжении десятилетий, насыщаясь теми интенциями, которые господствуют в том или ином обществе. Данное понятие имеет границы, не идентичные в разных культурах. Происхождение семьи как социального института больших разногласий не вызывает у «западных» и российских учёных, но его функционирование мыслится теми и другими неидентично. Социологизм, социоцентризм советских, российских, русских социологов и субъектоцентризм,

личностно-ориентированный подход к исследованию просемейного поведения у прозападных исследователей ставят барьер между их позициями, уводит в разных направлениях само понятие семьи.

Модель российской семьи как социальный заказ государства и общества

В докторской диссертации, защищённой автором данной статьи в 2002-м году в университете г. Ростов-на-Дону, семья трактовалась в интеракционистской и институциональной традициях – как малая социальная группа и как социальный институт. Указывалось: «В нашем понимании семья представляет собой, прежде всего, малую социальную группу, объединённую общностью целей и интересов и наличием механизмов для удовлетворения потребностей, присущих каждому её члену. С другой стороны, это социальный институт, обладающий как формальной, так и неформальной структурами, первая из которых преобладает в стабильные периоды социального развития, а вторая – в кризисные, переломные [Карцева, 2002: 190].

Был сформулирован субъектно-центрический подход к исследованию семьи. Смысл инновации был таков. В русской, советской, далее в российской традиции в отношении к семье господствовал социоцентризм. Общество довлело над семьёй, предписывало ей формы поведения, отвечающие интересам большинства. Любой член семьи оказывался зависим от семейной ячейки и следовал общесемейным установкам в таких сферах как образование, здравоохранение, религия, культура, экономика, политика, брак и семья и т.п.

С развитием демократических институтов, начиная с 90-х годов XX века, пирамида общество-семья-индивид перевернулась, и взаимоотношения «сторон» начали выстраиваться на диаметрально противоположных началах, как индивид-семья-общество. Семья уже не желала придерживаться традиции и оставаться подчинённой обществу во всех вопросах, от заключения брака и официального признания рождённых детей до выбора для них образования светского или религиозного, государственного или домашнего, государственного или частного и т.д. В свою очередь индивид, будь то мужчина, женщина, ребёнок (от подросткового возраста), выступал автономной единицей и предпочитал принимать самостоятельные решения по всем жизненно важным вопросам, не принимая как руководство к действию позицию семьи.

В этой ситуации выход был один – попытаться ограничить абсолютную власть/роль индивида как субъекта брачно-семейных отношений, а с другой стороны – защитить семью от процессов социальной трансформации, усилив её роль субъекта деятельности в обществе в сфере брака и семьи. Данный подход был обозначен как семьецентризм. При условии, что семья станет более активным и правомочным субъектом деятельности, её проблемы будут решаться более успешно, чем это происходит в реальности. Общество же должно поддержать институт семьи всеми мерами.

В практической плоскости подобный взгляд на события и явления действительности призван в определённой мере примирить интересы индивида и общества, поднять на более высокий уровень авторитет семьи и престиж семейных ценностей. Следствием станет возврат в российском обществе в целом к утрачиваемому ныне коллективистскому сознанию как сознанию просемейному, родовому. Изменение порядка вещей необходимо для сохранения устойчивости семьи, повышения её способности не только к воспроизводству, но и к социализации и ресоциализации всех членов – от мала до велика.

В русле семьецентрического подхода, наделяющего семью правом субъектности, в 2012-м году группой казанских учёных был предложен проект «Семьеведение» для тех детей, которые являются членами семьи, какой бы она ни была – благополучной, неблагополучной, кризисной. Суть проекта в необходимости просемейного (фамилистического) воспитания новых поколений, начиная с первых осознанных действий дошкольника – примерно с трёх лет.

Как показывает опыт общественного воспитания, в этом возрасте воспитанники детских садов уже обсуждают вопросы развода своих родителей. Стало быть, продвижение в их сознание нерушимости семейных ценностей, овладение ими хотя бы на уровне эмоций, чувств, ощущений сакральными понятиями мать, отец, ребёнок – задача всеобщая. Поскольку семья – институт закрытый, то подобные обязательства может взять на себя только образование – государственное, некоммерческое. В России данный институт курирует министерство просвещения (до 2019 года именовалось министерством образования и науки).

В декабре 2017-го года от имени министерства образования и науки Республики Татарстан в министерство образования и науки Российской Федерации автором данной статьи были представлены документы министерства, программы обучения педагогов через институт повышения квалификации, учебно-методические пособия, изданные в Казани по предмету, актуальные отчёты по деятельности детских садов, школ, техникумов, педагогов всей республики по проекту «Семьеведение». Нужна была оценка значимости сделанного в целях продвижения татарстанского опыта по всей Российской Федерации. К сожалению, ведомство не удосужилось дать официальный ответ авторам проекта, ссылаясь на занятость, ограничилось неофициальными телефонными разговорами, осуществлёнными по инициативе автора данной статьи. Проект был поддержан, было рекомендовано его продолжать в республике своими силами, что собственно и происходит ныне.

Данный проект как педагогический феномен возник в Пензе, в Институте развития образования в 90-е годы XX века. Независимо от Пензы учёные Казани, входящие в правление Татарстанского регионального отделения Национального общественного комитета «Российская семья», разработали собственный проект с аналогичным названием как продолжение учебного курса «Семьеведение» в системе высшего образования и предложили его городу Казани и республике ещё в 2012 году.

Суть татарстанского подхода к выстраиванию системного представления населения об институтах брака и семьи такова. Учёные в системе ФПК обучают педагогов детских садов, школ, колледжей фамилистической науке, в основе которой лежат знания по демографии и социологии семьи (в отличие от Пензы с психолого-педагогическим содержанием предмета). Подобное стало возможным после успешной апробации проекта инноваторами в двух школах Казани, осуществлённого с разрешения руководства министерства.

Далее выпускники курсов повышения квалификации по программе дополнительного образования «Семьеведение» несут полученные знания к детям – в школы, детские сады, колледжи. Для оснащения процесса педагогам и организаторам образования передаётся учебно-методическая информация – книги, пособия по курсу в электронном и печатном виде, календарно-тематические планы обучения и фамилистического воспитания детей, подростков, юношества. Подготовленные учителя, воспитатели, преподаватели приступают к фамилистическому обучению и воспитанию своих подопечных в возрасте от 3 до 18 лет.

Образовательная программа семьеведения проста и базируется на структурно-функциональном социологическом подходе. Сначала транслируются знания о составе семьи, затем о её социальных функциях. От ценностного, но эмоционально-чувственного восприятия института семьи детьми дошкольного возраста обучение переходит к формированию рационально-ценностного сознания учащихся школ по тем же самым вопросам.

Модель семьи, которая транслируется детям, одновременно и традиционна, и современна. В кратком изложении она выглядит так.

При всех особенностях семейного образа жизни, стажа, состава семей, деталей биографии супругов для государства и общества наиболее предпочтительна семья полная, в официальном (гражданском) браке, гетеросексуальная, с несколькими детьми, благополучная социально и психологически. От традиционной модели остаются здесь (1) супружество – без одного из родителей первоначально созданную группу семьёй можно назвать условно, (2) брак мужчины и женщины – без вариантов, (3) регистрация брака в органах ЗАГС, (4) число детей от трёх и выше. От современной модели семьи – акцент на социальном благополучии (наличие оптимального дохода, жилья, предметов мебели и культурного назначения, современной техники и т.д.) и благополучии психологическом (отсутствие разлада супружеского, родительско-детского, родственного) [Карцева, 2019: 7–14].

Апробация указанной модели автором данной статьи в различных аудиториях страны – учёных и политиков, педагогов и врачей, управленцев и студентов – не выявила разночтений. Единственный вопрос, который вызывал обсуждение отдельных лиц, и это были самые молодые участники – женщины в возрасте после 22 лет, – материально-экономический. Возражение касалось трудностей по рождению и воспитанию ребёнка при весьма скромных доходах молодых семей. События в

Российской Федерации последних месяцев 2020 года, инициированные её Президентом и поддержанные Государственной Думой и правительством страны, данные вопросы снимают.

Каким образом указанная модель совместит интересы семьи как малой группы, согласно семьецентрическому подходу, индивида – члена семьи и общества как внешнего окружения семьи?

Прежде всего, *на уровне индивида* модель работает эффективно. Самостоятельная, зрелая личность непременно признает тот факт, что жить в одиночестве любому человеку гораздо сложнее, чем в паре, тем более семейной, с разделением бытовых и иных трудностей на двоих. С возрастом возрастает тяга к наличию наследников своего «Я», семейных традиций, семейного уклада, и появление детей становится выраженной потребностью человека. В браке рождение и воспитание детей протекают без видимых эксцессов, тогда как безбрачие заметно ухудшает психологическое и социальное благополучие женщины-матери и лишает мужчину-отца законного права быть рядом с ребёнком – так работают российские традиции относительно роли внебрачного отца в воспитании сына, дочери.

Если рассматривать *семью как «ячейку общества», как группу*, состоящую из родителей и их детей, то элементы представленной модели ложатся на её интересы всецело. Социально успешные муж и жена, отец и мать не могут возражать против их законного брака, защиты брачного союза от посягательств ЛГБТ-сообществ, против появления в семье второго и последующих детей – чем семья полнее и шире кругом, тем сплочённее и дружнее на основе выработки и поддержания внутрисемейных кодексов поведения, облегчающих её членам жизнь за границами дома.

Для российского общества данная модель тем более значима и адекватна. На гражданский брак давно и успешно наступают сожительства, роняющие престиж семьи и снижающие её жизнестойкость. На права гетеросексуалов ведётся атака со стороны лиц, приверженных однополый любви. Забота общества о восполнении утраченных единиц народонаселения наталкивается на препятствие в виде бездетности и малодетности (1–2 ребёнка – социальная норма). Всё явственнее звучат призывы одиноких активистов – в толпу подростков – к однополым союзам, а в аудитории взрослых мужчин и женщин – либо не рожать вообще, либо не спешить с родами, либо ограничиться минимумом – одним ребёнком, якобы в его же интересах. Семейные заботу и любовь на словах подменяют пропагандой чистого секса под видом любви (характерное выражение последних десятилетий – «заняться любовью», тогда как любовь есть эмоция, чувство, переживание, коими заняться невозможно, отнюдь не только практическое действие).

Выводы из сказанного очевидны. Россия стоит перед выбором: уйти от традиционной семьи, свойственной индустриальному обществу, естественным путём или сохранить лучшее, что создано предками, через систему образования и воспитания, путём искусственным, отыскивая семейные корни, выпестывая их, доводя до сознания

каждого ребёнка и взрослого, откуда пошёл их род и что нужно сделать, чтобы он сохранился в истории. Замена труда физического трудом интеллектуальным всего лишь внешняя сторона вопроса, внутри же него – проблема сохранения культурного наследия семьи, культурного кода поколений. В информационном обществе ничего не мешает сделать так, чтобы ребёнок любил своих отца и мать, его родители почитали, уважали своих родителей, а нуклеарная семья регулярно расширялась за счёт близких родных в дни семейных и государственных праздников, а также и в сезон хозяйственно-бытовых работ в той или иной семейной группе.

Понятие семьи от проф. А. Г. Харчева в современных условиях сохраняет свою актуальность с той лишь разницей, что определить классическую семью нужно не столько институционально, сколько как *малую социальную группу, включающую двух супругов с детьми, рождёнными в браке, совместно принимающими решения, ведущими общее домохозяйство, несущими ответственность друг за друга*. Тогда внебрачные союзы с детьми, группы, состоящие из незамужней женщины и её ребёнка или детей, совместно живущих близких родственников (прародителей, неженатых/незамужних взрослых сыновей и дочерей) будут называться семьёй условно, знаменоваться собой варианты ведения домохозяйства.

Назрела пора отделить семьи от семейных групп, которые выполняют многие семейные функции кроме основных – деторождения, первичной социализации детей младшего и среднего возраста, их воспитания и развития. При этом вопрос порождения – свои дети воспитываются в семье или приёмные – не должен быть помехой для определения статуса семьи. Приёмные дети или родные – вопрос конкретной семейной ситуации, но не вклада их родителей в общую копилку молодого поколения страны.

Семейные гендерные роли в информационном обществе зависят от полученного индивидом образования и воспитания. Факт их перекрёстной мобильности однозначен, неоспорим. Характеры мужчин и женщин различаются как между полами, так и внутри полов. Это означает, что женские – материнские, исполнительские по природе своей роли в состоянии исполнить многие мужчины, а мужские, лидерские роли зачастую по плечу женщинам. Если это распределение гармонично и не нарушает прав супругов в семье, то общество примет данное явление беспрекословно.

Вопрос включения семьи в социально-стратификационные процессы в определении семьи присутствовать не должен. Этот вопрос в ведении учёных-социологов, изучен и осмыслен. Социальная мобильность индивидов в информационном обществе велика. А значит и семейные статусы будут меняться на протяжении жизни семьи.

По поводу социоцентризма и субъектоцентризма в подходах к исследованию семьи следует подчеркнуть акцент на социоцентризме в определении категории «семья». Поскольку это социальная группа, то просоциальные её характеристики выходят на первый план, а индивидуально-личностные отодвигаются на второй,

несмотря на то, что время работает на индивида. Преобладание интересов отдельного субъекта в семье над общими, групповыми интересами – путь к разрушению семейной структуры. В целях сохранения семьи каждый её член должен хотя бы какими-то своими потребностями пожертвовать ради своих близких и родных.

Отсюда безусловная значимость такого продукта как «Семьеведение» для российской педагогики, во-первых, российского общества, во-вторых, образовательных организаций – школы и колледжа, детского сада и университета, в которых воспитываются поколения российской молодёжи, в-третьих.

Данное направление должна признать, как признала Государственная Дума летом 2019 года, вся педагогическая общественность и не спекулировать на отрицании не оправдавшего себя проекта «Этика и психология семейной жизни», разработанного в 90-е годы Российской академией образования. Тогда неинтересным для большинства учащихся было содержание предмета, не готовились кадры для его преподавания, слишком велик был разрыв между социальной реальностью и теми посылами, к которым призывали учёные-психологи, рассчитавшие тематику занятий на свой уровень знаний. Акцент на моральной стороне семейной жизни непродуктивен, поскольку недостаточен. Подготовить к семейной жизни можно только тогда, когда юный гражданин поймёт, что такое брак и семья, какова его личная роль в них, на какую модель семейной жизни следует держать курс и в чём состоит выгода его самого, а также его семьи и всей страны при выборе оптимальной семейной структуры. Проект «Семьеведение», не морализируя и не напирая на темы конфликтных отношений в семье, на разводы как «естественное явление», на такие вопросы отвечает – позитивно, коротко и полно.

Таким образом фамилистическая теория и практика объединяются и порождают социальную тенденцию к воплощению желаемого, идеального образа мыслей и действий в такой сложнейшей сфере человеческих отношений как брачно-семейная.

Библиографический список

Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

Бондаренко В. М. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. К 110-й годовщине со дня рождения // Социологические исследования. 1999. № 7. С.138–141.

Бухаров А. С. Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера. М.: Канон+, 2002. 120 с.

Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. В 2-х тт. Т. 2. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 2001. 1072 с.

Естественная убыль россиян станет рекордной за 11 лет (13.12.2019) [Электронный ресурс] // РБК: [веб- сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/12/2019/5df240d49a79475d8876bdc3>. (дата обращения: 19.02.20).

Карцева Л. В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность: Дисс. д-ра соц. н. – Казань, 2002.

Карцева Л. В. Механизм внедрения проекта «Семьеведение» в образовательные организации – по опыту работы Татарстана // Непрерывное педагогическое образование: проблемы и поиски. 2019. № 1. С. 7–14.

Конституция РФ [Электронный ресурс] // Конституция РФ 2020: [веб-сайт]. URL: <http://constitutionrf.ru/skachat-konstitutsiyu> (дата обращения: 21.02.2020).

Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М.: Политиздат, 1988. 479 с.

Масионис Дж. Социология. – 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 752 с.

Население Земли [Электронный ресурс] // countrymeters: [веб-сайт]. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 19.02.2020).

Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд-е, перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.

Сикевич З. В., Безрукова О. Н., Поссель Ю. А., Самойлова В. А. Межэтническая семья в современной России. – СПб.: Скифия-принт, 2018. 169 с.

Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат 1990. 432 с.

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. – Петроград: КОЛОС, 1920. – 464 с.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., Политиздат, 1992. – 543 с.

Социологическая энциклопедия /под ред. Г. Ю. Семигина. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 693 с.

Социологический энциклопедический словарь. На рус., англ., немец., франц. и чешс. языках. Ред-р акад. РАН Г. В. Осипов. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. 488 с.

Социологический словарь. Составители Н. Аберкромби, С. Хилл и Б. С. Тёрнер (пер. с английского под ред. канд. соц. наук С. А. Ерофеева). М.: Экономика, 2000. 428 с.

Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. – М.: ЦСП, 2003.- 339 с.